

Девушка зашлась кашлем. Черный дым разъедал легкие, застилая собой просвет окна, который становился все тусклее и тусклее, пока не исчез вовсе. Вокруг бушевал огонь. Слишком горячо, чтобы сделать вдох; слишком горячо, чтобы попытаться выбраться. Вспыхнула прядь волос — девушка отшатнулась, сбила пламя и зажмурилась, закрыв лицо руками в бессмысленной попытке защититься от стихии. Но огненные языки не собирались отпустить добычу, они тщательно вылизывали ее руки, пока тонкая кожа на кистях не лопнула. Мир исчез. Осталась только нестерпимая боль, проникавшая сразу со всех сторон.

Веренир резко вдохнул и открыл глаза. Ему снились кошмары. Вспомнить, что привиделось, он не мог, но на коже сохранилось неприятное ощущение сухого жара. Мужчина потянулся и перевернулся на другой бок, устраиваясь удобнее. Полежав так некоторое время, он понял, что заснуть все равно не удастся, да и рассвет был близок.

Он подошел к тазу с водой и, зачерпнув оттуда несколько раз ладонями, плеснул на лицо. Холодная жидкость бодрила. Сегодня будет трудный день: сначала нужно выслушать отчет дружины о том, как прошла ночь, а потом — разбудить правителя.

Однако великий князь Тройтан бодрствовал. Он сидел за столом, склонившись над чистым листом бумаги с пером в руках. Рядом стоял канделябр с тремя свечами, которые уже порядком оплавились, но продолжали гореть, хотя покои уже заливал утренний свет. На еще не старом лице князя, выражавшем сейчас крайнюю сосредоточенность, уже залегли морщины, самая глубокая из которых проходила вдоль лба. Почти черные глаза были прищурены, а взгляд устремлен куда-то в пустоту. Он не услышал стука и не обратил внимания на гостя, который тихо притворил за собой тяжелую дубовую дверь с замысловатыми резными узорами и постоял некоторое время, наблюдая, как Тройтан потирает каштановые, с уже заметной проседью виски. А потом прокашлялся, чтобы сообщить о своем присутствии. Князь несколько раз моргнул, будто очнулся от сна.

— А, это ты, Веренир. — Он сжал переносицу пальцами и зажмурился, затем медленно поднялся из кресла. — Я и не заметил, что уже утро.

Вошедший находился в том возрасте, который можно назвать самым расцветом. Уже далеко не желторотый юнец, но достаточно молод, чтобы ни в его темно-русых волосах, достоящих почти до плеч, ни в черной жесткой бороде не проскальзывало ни единой серебряной нити. Во взгляде читалась серьезность и легкая обеспокоенность. Князь сразу понял, что его ждут новости не из приятных.

— Господарь, я пришел доложить о беспорядках на улицах. — Он резко сжал длинные пальцы в кулак, одновременно что-то коротко шепнув, и все три свечи разом потухли, даже не задымившись. Князь лишь мимолетно улыбнулся этой ребяческой выходке. — Наши

нападают на имперцев. Уже случилось несколько мелких драк, а одного купца, который привез товар на праздник, ограбили прямо посреди площади и закидали повозку гнилой репой.

Тройтан подошел к окну и, поразмыслив несколько мгновений, тихо сказал:

— Мы же предполагали такое развитие событий, Веренир. Увеличь число дружинников на улицах, пусть патрулируют тщательнее.

— Я сделал это, как только начались первые столкновения.

Князь, не поворачиваясь к деснице, одобрительно кивнул. Тот, помедлив, все же добавил:

— Тебе следовало меня послушать и закрыть ворота для имперцев в этом году. — Мужчина сверлил тяжелым взглядом затылок правителя.

— Нельзя, Веренир, это было бы почти прямым объявлением войны. — Он одним быстрым движением сдернул через голову белую рубаху, обнажив подтянутый жилистый торс. — Ты же это сам прекрасно понимаешь. Аррек спит и видит, как захватить нашу прибрежную территорию. Я и так балансирую на острие ножа. Одному Ясногорящему ведомо, сколько мне еще удастся сдерживать его! — Порядком раздраженный, он уже натягивал другую рубаху насыщенного бирюзового цвета.

Веренир снял с крючка заранее подготовленную, расшитую золотом и жемчугом ферязь¹ и привычным жестом придержал ее, помогая князю не запутаться в длинном одеянии.

— Я все прекрасно понимаю, войну допустить никак нельзя, — согласился Веренир. — Если мы потеряем берег, торговля полетит к демонам. Но если убьют какую-нибудь имперскую шишку, исход будет таким же — им

---

¹ Ферязь — парадная верхняя одежда с длинными рукавами.

ОТМЕЧЕННАЯ ОГНЕМ

только дай повод. Хорошо еще, что сам Аррек не почтил нас визитом. — Веренир скривился, будто съел кислое яблоко.

Тройтан поднял на него такой взгляд, что магу захотелось провалиться сквозь землю.

— Хочешь на мое место? — строго спросил он. Веренир примирительно поднял руки перед собой, хотя князь и без того знал, что прыгать выше своей головы десница не намерен. — То-то же, — смягчился Тройтан. — Постарайся, чтобы за эти три дня все остались живы, и Витабуту передай, чтобы тщательнее наблюдал за всем, а то больно расслабился.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Никто из местных не знал, откуда она. Просто однажды особо засушливым летом в городе появилась высокая старуха в серой льняной рубаше до пят, с поясом, расшитым замысловатыми узорами, да пыльных сапогах. Через плечо ее была перекинута мягкая кожаная сумка. Свои седые, доходившие до середины спины вьющиеся волосы женщина не прятала под платок, как это делали замужние или вдовы, не заплетала в косы, как принято у девиц. Бледная кожа и тонкие черты лица делали ее похожей на северянку, но говорила старуха на чистом вольмирском. Одежда ее казалась простой и удобной, и только одна вещь привлекала внимание: ярко-сиреневая, с молочными прожилками, аметистовая подвеска, формой и размером напоминавшая куриное сердце. Она висела на шее на длинном кожаном шнурке. Самым внимательным могло показаться, что камень слегка мерцает. А может, дело было в не в меру разыгравшемся воображении.

Жара долгое время не сдавала позиции, а спасительного для урожая дождя все не было. Логовцы, как и другие жители княжества, уже с отчаянием думали, как трудно придется зимой. Не помогали ни постоянные молитвы Ясногорящему в храме, ни денно и ночью пылающие для него костры. И хотя бог обращает свое лицо к зажегшему для него огонь, похоже, в этот раз он не собирался смотреть на своих почитателей.

В столь трудное время и появилась седовласая колдунья, пообещавшая дождь, если ей найдут место и позволят тихо доживать свой век. Она слишком хорошо знала, с каким недоверием относятся обычные трудяги к ей подобным. Как ни крути, а люди, которые могут делать больше, чем другие, встречались, и с этим приходилось считаться. Однако настоящие ведуны стали такой редкостью, что голова Тихого Лога согласился на сделку скорее от безысходности, чем действительно веря, что из этого что-то выйdet.

Под палящим полуденным солнцем ведьма, опираясь на высокий и крепкий березовый посох, прошла по полям, окружавшим город, что-то напевая себе под нос. К закату на небе собрались первые тучи, чего не наблюдалось уже много дней. В сумерках небо почти полностью укуталось плотным покрывалом дождевых облаков, а к полуночи разразилась такая мощная гроза, каких не видывали и прадеды жителей Тихого Лога.

Так ли было в действительности или слухи, как часто случается, сильно преувеличены, теперь трудно сказать. Да только с тех пор ведьма, назвавшаяся Мирам, осталась в Логе. Голова отдал ей в пользование старую покосившуюся избу, что стояла у самого леса, лишенная защиты укрепленных городских стен. Женщина не привередничала и с благодарностью приняла дар. Когда-то здесь жил городской палач, но он состарился и умер. Зим двадцать, а то и дольше в домишке обитали лишь пауки да мелкие грызуны. И вот он снова обрел хозяйку. Впрочем, она поселилась здесь не одна. Тенью за старухой ходила тихая худая девчужка лет десяти, с длинными вьющимися волосами насыщенного медного цвета — ее внучка Исха.

Постепенно чужачки освоились в Логе. Поправили избу, даже построили рядом небольшую баню, завели хозяйство: кур с гусями и несколько коз. К счастью, больше сильных засух в княжестве не случалось. Была ли в том заслуга ведьмы или так решил Ясногорящий,

никто уже не скажет. Но жители, втайне от соседей и тем более от жреца, то и дело обращались к ней за помощью. Она лечила домашний скот, заговаривала раны, помогала в родах горожанкам. Ведьма никогда не назначала цену за свои услуги, но в благодарность за помощь ей несли мясо, сыр или овощи, а порой выуживали из-за пазухи припасенные на случай чего медные или даже серебряные монеты.

Единственным, кто открыто показывал свое враждебное отношение к ней, был старый сторбленный жрец Эхрес, который служил Ясногорящему всю свою долгую жизнь. Как и положено жрецу, он не завел семью, с самой юности посвятив себя религии. Человеком он слыл хорошим: верил в свое дело, никогда не жалел себя ради помощи другим и служения своему богу. При нем двери храма не закрывались для нуждающихся ни днем ни ночью, а его проповеди вдохновляли на добрые поступки. Один лишь недостаток имел этот добряк: он совершенно не признавал чудес, сотворенных человеком. И когда вслед за пришедшей в Лог ведьмой начался дождь, старик крайне разозлился на местных, которые благодарили женщину, вместо того чтобы стать усерднее в молитвах. Саму ведьму он предпочитал и вовсе не замечать, пока она и ее внучка держались подальше от храма, что те и делали после одного события, о котором еще долго перешептывались логовцы.

Это случилось почти сразу после появления Мирам в Логге. Лето подходило к концу, вечернее жнивеньское¹ солнце окрасило небо в причудливые алые, золотые и пурпурные оттенки. Время сбора урожая всегда печалило Эхреса, потому что храм становился почти пустым, лишенный большей части веряян. Лог хоть и считался городом, местные жили в основном за счет своих хозяйств и того, что давала земля, — в отличие от Вольмиры, столицы, где процветали ремесленники,

---

¹ Жнивень — август.

мелкие торговцы, купцы и даже владельцы собственных кораблей.

Уставшие за день в поле работники предпочитали пропускать ежевечернюю проповедь и молитву, вместо этого отправляясь выпить пару кружек пива в «Старом кроте». Да, напитки там подавали отвратительные — хозяин, тот еще скряга, развлекал и пиво, и квас, и мед водой, даже не скрываясь. Но зато и цена была соответствующей. А местным только и требовалось, что вытянуть натруженные ноги в мужской компании да промочить горло чем-то холодным. Любое пойло, даже самое омерзительное, станет не столь противным, если подавать его ледяным, чтобы аж скулы сводило. И хозяин «Крота» исправно заботился об этом.

Однако жрец всегда старательно выполнял свой долг. Каждый вечер он шире распахивал двустворчатые кованые двери, ведущие в святое место, чтобы показать горожанам, что скоро начнется молитва. Конечно, его храму далеко до столичных гигантов — длинных, как свечи, каменных сооружений со шпилями, устремленными к солнцу. В Тихом Логе храм возвели совсем простой: одноэтажный и прямоугольный, однако он был сложен из темно-серого камня, с красной черепичной крышей. Внутри убранство также не отличалось разнообразием: с двух сторон от входа шло несколько рядов каменных скамей, вдоль стен расположились восемь невысоких столбов, по четыре справа и слева, на них стояли глубокие и широкие металлические чаши с толстыми боками для священных возжиганий. Венчал все большой алтарь, на котором постоянно поддерживали огонь. Рядом располагался короб для пожертвований. И только самый внимательный верянин мог разглядеть в противоположной от главного входа стене узкую дверь, ведущую в небольшую пристройку — жилище жреца.

Тот вечер начался как обычно. Эхрес зажег во всех восьми чашах специально привезенные кедровые дрова,

которые использовали только для ритуальных костров и в кораблестроении из-за твердости древесины. Затем распахнул двери и вышел на крыльцо посмотреть, нет ли рядом желающих почтить бога. Несколько горожанок сразу же вошли в храм, поприветствовав служителя. Люди, хотя и не так много, как бывало, постепенно подтягивались. Эхрес решил, что пора начинать: занял привычное место перед алтарем, воздал хвалу Ясного-рящему и уже было открыл рот, чтобы произнести несколько слов для собравшихся, когда увидел входящую в столь святое место Мирам под руку с юной внучкой. Они остановились в проходе и взглядами искали, где присесть.

Жрец затих на полуслове. Раньше он никогда не сталкивался с ведьмой и даже подумать не мог, что та захочет посетить дом божий. Видя заминку, люди стали оборачиваться, чтобы узнать причину. Еще через мгновение в помещении зашептались. Женщина и девочка замерли — похоже, они не ожидали такого приема. Эхрес как мог совладал с эмоциями, глубоко вдохнул и сорвавшимся голосом воскликнул:

— Да не войдет в дом сей ни один нечестивый!

Сказано это было так однозначно, что прихожане не усомнились в том, кому адресованы слова.

Мирам стояла спокойно, только ее губы превратились в одну тонкую ниточку. А девчушка, казалось, вся сжалась и приготовилась в любой момент сбежать. Начавшийся снова шепот резко оборвался, когда ведьма тихо ответила:

— «И пусть не поднимает никто головы выше ближнего своего, ибо он равно смотрит на всех, возжигающих огонь во имя его». — Мирам дословно процитировала святое писание.

— Вон отсюда! — в гневе воскликнул Эхрес.

Мирам высоко вздернула подбородок и, сощурившись, развернулась к выходу, потащив за собой внучку. В этот момент все восемь священных костров и глав-